

Добронравов В. Г.

12/IX-90

Память об отце

ПОХОЖЕ НА СКАЗКУ

31 августа 1990 года «Вечерняя Москва» опубликовала отрывок из воспоминаний Людмилы Уваровой, посвященный моему отцу, Борису Георгиевичу Добронравову.

К сожалению, написанное похоже, скорее, на красивую сказку. В действительности все было гораздо сложнее и жестче.

Отцу приходилось очень много работать, чтобы не только содержать нас — меня, мать и его парализованную тещу, но и помогать своей матери и семье шурина, которая с 1937 года находилась в заключении, а потом в ссылке. Поэтому бывал занят не только днем и вечером в театре и на концертах, но часто работал по ночам, так как в те времена записи на радио производились только ночью. К тому же, ситуация была отягощена тем, что нас дважды обворовывали.

Естественно, при такой интенсивной работе у отца оставалось очень мало свободного времени. Однако он очень любил общаться с детьми, молодежью и, так сказать, обычными людьми, далекими от искусства.

Что касается наград, то отец был к ним совершенно равнодушен. Так называемая Сталинская премия, которая выражалась огромной по тем временам суммой, разумеется, позволила бы отцу сделать передышку. Но он тем не менее оказался единственным народным артистом СССР в те годы, не получившим этой премии. Тут Л. Уварова права. Уверена, что главную роль в этом деле сыграла человеческая и гражданская позиция отца, которую он никогда не скрывал и выражал совершенно открыто.

Отца постоянно мучило чувство творческой неудовлетворенности. Позволю себе напомнить его слова из статьи «Вынужденное бездействие» (журнал «Театр», № 2 за 1945 г.): «Много сил я отдал советской драматургии — я сыграл в одиннадцати пьесах современных советских драматургов. Но ни одной из любимых мною ролей русского и западноевропейского классического репертуара за много лет мне не удалось сыграть».

Теперь о некоторых фактах, приведенных в очерке.

В нашей квартире из всей труппы Художественного театра бывали только Еремеев и Гузеев, и то довольно редко. Николай Павлович Хмелев являлся парторгом театра, а отец был беспартийным. И хотя он с уважением относился к творчеству Н. П. Хмелева, друзьями они никогда не были. Хотелось бы уточнить и другое. Н. П. Хмелев почувствовал себя плохо в начале ноября 1945 года на репетиции спектакля «Трудные годы». Его перенесли в аванложу, где он скончался в тот же день.

Отец начал играть роль царя Федора Иоанновича в одноименной пьесе А. К. Толстого 20 ноября 1940 года. 166-е его выступление в этой роли на сцене МХАТа стало последним. Он умер в одночасье после картины «Святой»...

Все вышеизложенное я могу подтвердить документами. К счастью, еще живы люди, близко знавшие мою семью, которые также, в случае необходимости, готовы удостоверить мои слова.

Убедительно прошу вас опубликовать это мое письмо в «Вечерней Москве», так как память об отце для меня бесконечно дорога и свята. К тому же, мне бы очень не хотелось, чтобы подобные «воспоминания» были еще растиражированы книгой, готовящейся в издательстве «Советский писатель».

С уважением,
Елена Борисовна
ДОБРОНРАВОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Вчера мы получили письмо из Музея МХАТа, подлинное народными артистами РСФСР С. С. Пилявской и В. С. Давыдовым. В нем тоже указывается на фактические ошибки, допущенные в материале «Борис Добронравов».

Редакция «ВМ» жалеет, что в главе из воспоминаний ныне покойной писательницы Л. З. Уваровой содержатся неточности, и приносит извинения близким Б. Г. Добронравова, его товарищам по театру.

Восп. Москва - 1990 - 12 сент.